

Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. Т. 29, № 4. С. 66–72. ISSN 2073-1426

Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2023, vol. 29, № 4, pp. 66–72.

ISSN 2073-1426

Научная статья

УДК 159.9:316.6

EDN WFXHBW

<https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-4-66-72>

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КРАТКОСРОЧНОЙ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ СКЛОННОСТИ К ЭКСТРЕМИЗМУ

Капустина Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России, Владивосток, Россия, 12_archetypesplus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>

Эльзесер Анастасия Сергеевна, Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России, Владивосток, Россия, der_falter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>

Кадыров Руслан Васитович, кандидат психологических наук, доцент, Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России, Владивосток, Россия, rusl-kad@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Матиозова Анастасия Николаевна, Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России, Владивосток, Россия, shaomass@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6453-2817>

Аннотация. Статья посвящена апробации и определению эффективности краткосрочной программы психокоррекции склонности к экстремизму. Профилактика является неотъемлемым элементом сохранения здоровья, в том числе и психического, в данном случае профилактика экстремизма не является исключением. Поскольку для личности экстремиста, согласно большому количеству исследований, характерна разнонаправленность, а сам экстремизм не поддается психодиагностике, то авторами настоящей статьи было дано определение склонности к экстремизму через призму социально-психологической дезадаптации, выделены ее критерии и разработан экспресс-метод оценки уровня выраженности склонности к экстремизму, который прошел апробацию, стандартизацию и валидизацию. На основании этого авторами также была разработана краткосрочная программа психологической коррекции склонности к экстремизму. Выборку настоящего исследования составили 411 студентов 1–4 курсов разных специальностей ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России, 30 из которых приняли участие в программе психологической коррекции, поскольку имели склонность к экстремизму или выраженную склонность. Для оценки эффективности программы до ее начала и в конце применялись: скрининг-метод, «Шкала оценки уровня ситуативной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина, «Шкала депрессии Бека», «Субъективная оценка межличностных отношений» (СОМО) С.В. Духновского. Полученные результаты показали, что прохождение программы психокоррекции способствует снижению агрессивной-оборонительной позиции, ослаблению психоэмоционального напряжения, формирует более положительное отношение к себе, своей жизни, а также другим людям и, самое главное, снижает уровень выраженности склонности к экстремизму.

Ключевые слова: склонность к экстремизму, экстремистские тенденции, психологическая коррекция, программа коррекции, эффективность коррекции.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32151.

Для цитирования: Капустина Т.В., Эльзесер А.С., Кадыров Р.В., Матиозова А.Н. Эффективность краткосрочной программы психологической коррекции склонности к экстремизму // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. Т. 29, № 4. С. 66–72. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-4-66-72>

THE EFFECTIVENESS OF A SHORT-TERM PROGRAM OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF PROPENSITY FOR EXTREMISM

Tat'yana V. Kapustina, Candidate of Psychological Sciences, Pacific State medical university, Vladivostok, Russia, 12_archetypesplus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>

Anastasiya S. Elzesser, Pacific State medical university, Vladivostok, Russia, der_falter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>

Ruslan V. Kadyrov, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor, Pacific State medical university, Vladivostok, Russia, rusl-kad@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Anastasiya N. Matiozova, Pacific State medical university, Vladivostok, Russia, shaomass@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6453-2817>

Abstract. The article is devoted to approbation and determination of the effectiveness of a short-term program for psycho-correction of propensity to extremism. Prevention is an integral element of maintaining health, including mental health, in this case, the prevention of extremism is no exception. Since the personality of an extremist, according to a large number of studies, is characterized by multidirectionality, and extremism itself is not amenable to psychodiagnostics, the authors of this article gave a definition of the propensity to extremism through the prism of socio-psychological maladjustment, identified its criteria, and developed an express method for assessing the level of severity of propensity to extremism, which has been tested, standardized and validated. Based on this, the authors also developed a short-term program for the psychological correction of propensity for extremism. The sample of this study consisted of 411 students of 1-4 courses of various specialties of the Pacific State medical university, 30 of whom took part in the psychological correction program, because they had a tendency to extremism or a pronounced inclination. To assess the effectiveness of the program before its beginning and at the end, the following were used: Screening method, The State-Trait Anxiety Inventory Ch.D. Spielberger adapted by Yu.L. Khanin, Beck Depression Inventory, Subjective evaluation of interpersonal relations by S.V. Dukhnovsky. The results obtained showed that the passage of the psycho-correction program helps to reduce the aggressive-defensive position, the weakening of psycho-emotional stress, forms a more positive attitude towards oneself and one's life, as well as other people, and, most importantly, reduces the level of severity of propensity to extremism.

Keywords: propensity for extremism, extremist tendencies, psychological correction, correction program, correction efficiency.

Acknowledgments. The work was carried out with the financial support of the RFBR and EISI within the framework of the scientific project No. 21-011-32151.

For citation: Kapustina T.V., Elzesser A.S., Kadyrov R.V., Matiozova A.N. The effectiveness of a short-term program of psychological correction of extremist authorities. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics., 2023, vol. 29, No. 4, pp. 66–72. ISSN 2073-1426. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-4-66-72>

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации ставит задачу разработки и применения мер по повышению эффективности профилактики данного явления среди молодежи¹. Профилактика является неотъемлемым элементом сохранения здоровья среди детей и подростков [Грицина, Транковская, Семанов и др.: 23; Bhui, Otis, Silva et al.: 547]. Экстремистские группы могут быть как реальными молодежными группировками, так и виртуальными молодежными объединениями. Понятие экстремизма, несмотря на большое количество проведенных исследований как в России, так и за рубежом, является широким и размытым конструктом. Однако если рассматривать экстремизм как мировоззрение, приверженность к крайним взглядам и действиям, которые формируют представления о допустимости или необходимости насильственных действий, то это придает понятию определенную конкретику [Trip S., Vora C.H., Marian M. et al.: 437]. Поскольку любое мировоззрение не формирует-

ся спонтанно, для этого требуется время и изменения личностного характера, то процесс этого изменения можно диагностировать и выявлять через такую личностную черту, как склонность к экстремизму (или экстремистские тенденции личности) [Капустина: 31–32]. Данная личностная черта является разнонаправленной, поэтому зарубежные и отечественные авторы центральным звеном склонности к экстремизму определяют различные характеристики. Например, потребность самоосуществления [Мещерякова, Ларионова: 18–19], социальная изоляция, идеи превосходства и интолерантное отношение к другим [Рягузова: 226], психологическая уязвимость [Harviken: 4–5], негативизм [Keene, Shoenberger, Berke et al.: 47], восприятие несправедливости [Kunst, Obaidi: 57], условия жизни и социальные настроения [Nivette, Eisner, Ribeaud: 785–786; Pisou, Zick, Srowig et al.: 7], готовность к насильственным действиям [Trip S. et al.: 437]. Сопоставив многообразие определений и составляющих, под склонностью к экстремизму

мы понимаем разновидность социальной дезадаптации в юношеском возрасте, в структуру которой входят следующие составляющие, их шесть: признаки депрессивности, переживание одиночества, дегуманизация окружающих, декларирование чувства превосходства, мотивы мести, положительное отношение к смерти. Такой разноплановый набор критериев определяет специфику структуры склонности к экстремизму, отличительной чертой которой является также неопределенность того, каким именно образом проявятся действия экстремистского характера и проявятся ли они вообще.

Как показало ранее проведенное нами исследование, признаки депрессивности и положительное отношение к смерти проявляются в таких качествах, как тревожность, депрессивность, низкий порог эмоциональной устойчивости, недооценка своих возможностей, преувеличение трудностей и недостатков. Другие критерии склонности к экстремизму – декларирование превосходства, одиночество, дегуманизация окружающих, мотивы мести – выражены целым рядом характеристик, связанных с оборонительной позицией в общении. К ним относятся замкнутость, недоверчивость, строгие требования к другим, болезненная чувствительность к критике, цинизм, враждебность [Эльзессер, Капустина, Кадыров и др.: 88–89].

Потенциальное влияние экстремистских группировок на молодежь обусловлено ведущей ролью общения в решении ведущих задач юношеского возраста – решении проблем самосознания, самоопределения, самоутверждения [Эльконин: 274]. В этот период складывается устойчивая система нравственных идеалов, а при их отсутствии – взглядов и целей, определяющих поведение и деятельность [Божович: 178]. Это обуславливает необходимость разработки программ психологической помощи для профилактики экстремистских тенденций в молодежной среде. Поскольку склонность к экстремизму определяются нами как форма социальной дезадаптации, способом психологической помощи стала психологическая коррекция [Кадыров, Эльзессер, Капустина: 4–5].

Психокоррекция – это направленное психологическое воздействие с целью обеспечения полноценного развития и функционирования личности. Основная цель психокоррекции при отсутствии органических поражений – способствовать полноценному психическому и личностному развитию личности. Наиболее применимы психокоррекционные мероприятия в период становления личности и для симптоматической помощи во взрослом возрасте. Как указывает Г.Л. Исурина, значение психокоррекционных мероприятий возрастает в той мере, в какой психологические и социально-психологические факторы оказывают влияние на развитие нарушения [Мамайчук: 16]. Таким образом, выбранный вид психологической

помощи предпочтителен для работы со студентами с экстремистскими тенденциями личности.

Первая группа признаков определила выбор когнитивно-поведенческого подхода как наиболее эффективного в терапии тревожности и депрессивности. Вторая группа признаков, сопутствующих социальной изоляции, указывает на необходимость группового формата проведения занятий. Опишем цель и задачи программы психологической коррекции склонности к экстремизму [Кадыров, Эльзессер, Капустина: 8–11].

Цель программы: повышение уровня удовлетворенности собой («принятие себя»), повышение уровня потребности общаться, взаимодействовать, осуществлять совместную деятельность («принятие других»).

Задачи программы:

1. Снизить уровень тревожных и депрессивных реакций у студентов.
2. Используя методы, описанные в программе, научить студентов самостоятельно справляться с низкой самооценкой себя в жизни и в общении с другими.

Содержательные компоненты краткосрочной программы психологической помощи:

1. Первичная диагностика. Осуществляется психологом. Проводится диагностика тревоги, депрессии и нарушения контактов с окружающими.
2. Проведение краткосрочной программы психологической коррекции, состоящей из 12 модулей:
 - Введение. Обзор тревожности и депрессивности. Цель: создание благоприятных условий для работы группы, ознакомление участников с основными правилами тренинга, проведение психообразовательной беседы на темы признаков тревоги и депрессии и основных положений КПТ.
 - Регуляция своего состояния: дыхание. Цель: получение знаний о дыхании и его значении, обучение техникам регуляции собственного дыхания.
 - Прогрессивная мышечная релаксация. Цель: получение знаний на тему релаксации и обучение техникам мышечной релаксации и методу расслабления.
 - Соединение мышления и чувств. Цель: научение отслеживанию собственных мыслей и чувств, нахождение связи между ними.
 - ABC (азбука) мышления и чувствования. Цель: ознакомление с дневником мыслей, отслеживание активирующих событий, мыслей, последствий, связанных с ситуацией.
 - Беспольные стили мышления. Цель: отслеживание своих бесполезных стилей мышления.
 - Исследовательская работа и диспут. Цель: проведение детективной работы и диспута со своими мыслями.
 - Конечный результат. Цель: обобщение знаний по ABCD.

– Убеждения. Цель: изменение основных убеждений о себе на сбалансированные.

– Градуированная экспозиция. Цель: измерение степени беспокойства о ситуации и планирование цели для постепенного изменения, снижения уровня выраженности переживания.

– Контроль над поведением и эмоциями. Цель: усиление работы над поведением и снижением агрессивных тенденций личности.

– Итоговый. Цель: подведение итогов проделанной работы и формирование образа «Здорового Я».

3. Итоговая диагностика результатов проведения краткосрочной программы психологической коррекции. По результатам работы в последний день программы проводится диагностика признаков тревоги, депрессии и нарушения контактов с окружающими, что позволяет оценить эффективность программы.

Полное содержание программы описано в нашем пособии [Кадыров, Эльзесер, Капустина: 52].

Организация и методы исследования. Отбор респондентов для участия в адаптации краткосрочной программы психокоррекции экстремистских тенденций личности проводился с помощью скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму (Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина, Е.В. Садон, А.С. Эльзесер) [Капустина: 50–52]. В силу разных обстоятельств не все студенты из числа приглашенных смогли принять участие в предложенной программе. Конечную выборку составили 30 респондентов в возрасте 18–22 лет – студенты разных специальностей ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России («лечеб-

ное дело», «педиатрия», «клиническая психология», «фармация», «стоматология») и разных курсов обучения (1–4), отобранные из числа 411 студентов по признаку наличия склонности к экстремизму.

Для проведения программы коррекции респонденты были объединены в три группы. В течение 1,5 месяцев в 2022 году было проведено по 12 занятий для каждой группы на базе кафедры общепсихологических дисциплин ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России. Продолжительность одного занятия в групповом формате составляла от 45 до 70 минут. Для оценки эффективности программы до ее начала и в конце применялись: «Шкала оценки уровня ситуативной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина, «Шкала депрессии Бека», Субъективная оценка межличностных отношений (СОМО) С.В. Духновского. Для анализа данных были использованы критерий Уилкоксона, медианный тест, статистическая обработка проводилась по программе Statistica 10.0.

Результаты и обсуждение результатов. Сравнение показателей шкал до и после проведения программы психологической коррекции показало значимые результаты. В таблице 1 представлены результаты сравнения.

Наиболее статистически значимые изменения наблюдаются по шкалам реактивной тревожности, личностной тревожности, депрессии, шкалам конфликтности и агрессивности, суммарной шкале «Показатель коммуникации» методики СОМО, а также по наличию и выраженности склонности к экстре-

Таблица 1

Различия показателей до и после проведения программы психологической коррекции склонности к экстремизму

Показатель	Медиана и значения показателей до/после	Критерий Уилкоксона, T	p-level
Реактивная тревожность	37/25 Умеренная тревожность/низкая тревожность	0,0000	0,004427
Личностная тревожность	55/43 Высокая тревожность/умеренная тревожность	0,0000	0,004427
Депрессивность	33/15 Тяжелая депрессия/легкая депрессия (субдепрессия)	0,0000	0,004427
Шкала напряженности (СОМО)	50/39 Высокие значения/средние значения	10,0000	0,026857
Шкала конфликтности (СОМО)	38/30 Средние значения/средние значения	0,0000	0,004427
Шкала отчужденности (СОМО)	47/36 Высокие значения/средние значения	20,0000	0,113846
Шкала агрессивности (СОМО)	43/33 Высокие значения/низкие значения	0,0000	0,004427
Итоговый балл (СОМО)	29/22 Высокие значения/средние значения	0,0000	0,004427
Выраженность склонности к экстремизму	18/14 Наличие склонности к экстремизму / отсутствие склонности к экстремизму	0,0000	0,005062

мизму в целом. Однако по шкалам напряжения и отчужденности методики СОМО были получены менее значимые результаты. Трудность психокоррекции этой стороны может объясняться тем, что показатель отчужденности опосредован базовым доверием к миру, которое представляет собой устойчивое личностное образование, формирующееся в раннем детском возрасте, а значит, для изменения требует терапии в более длительном, чем краткосрочный, формате работы.

Проанализируем эффективность реализации программы в работе с отдельными критериями склонности к экстремизму. Критерии *Признаки депрессивности* и *Положительное отношение к смерти* мы связываем с такими качествами, как тревожность, депрессивность, низкий порог эмоциональной устойчивости, недооценка своих возможностей, преувеличение трудностей и недостатков.

Наиболее близка критерию «Депрессивность» шкала депрессивности, демонстрирующая снижение с выраженности депрессивности до уровня легкой. Это показывает, что депрессивность сохраняется у лиц, прошедших краткосрочный курс психокоррекции, однако когнитивно-аффективная самооценка респондентов отражает значительное облегчение выраженности этих симптомов. Значительное уменьшение симптоматики депрессивности отвечает результатам, достигаемым когнитивно-поведенческой терапией [Эльзесер, Кадыров, Маркелова: 126]. В этой связи наблюдается снижение показателя реактивной тревожности до низкого уровня, при этом личностная тревожность показывает умеренные значения. Таким образом, произошло снижение ситуативной тревожности, повышение эмоциональной устойчивости в стрессовых ситуациях. Тревожность как личностная характеристика менее подвержена изменениям, и в рамках краткосрочной психологической коррекции достигнуто сужение круга ситуаций, воспринимаемых личностью как угрожающие самооценке и самоуважению, соответствующих средним показателям.

Другие критерии склонности к экстремизму: декларирование превосходства, одиночество, дегуманизация окружающих, мотивы мести – выражены целым рядом характеристик, связанных с оборонительной позицией в общении. К ним относятся замкнутость, недоверчивость, строгие требования к другим, болезненная чувствительность к критике, цинизм, враждебность.

Методика «Субъективная оценка межличностных отношений» (СОМО) С.В. Духновского выделяет четыре основных компонента дисгармоничных отношений: напряженность, конфликтность, отчуждение, агрессию.

Значения шкалы напряженности изменились от высокого уровня до среднего. Это означает,

что отношения с меньшей вероятностью будут восприниматься как неустойчивые, беспокоящие и дискомфортные. Сохранение умеренного напряжения в отношениях позволяет поддерживать их интенсивность и разрешать трудности при необходимости. Изменение данного признака способствует снижению *одиночества*, а значит, ослаблению его роли в структуре склонности к экстремизму.

Другой индикатор дисгармоничности отношений – конфликтность, – согласно ключу методики, остался на уровне средних значений, хотя и продемонстрировал статистически значимое снижение. Мы не связываем данный параметр с экстремистскими тенденциями личности. Однако следует отметить, что для респондентов равно не характерны как потребность в жесткой конкуренции, так и избегание конфронтации. Текущий уровень конфликтности оптимален для конструктивного разрешения проблем в отношениях.

Критерии *декларирование превосходства*, *дегуманизация окружающих* и *одиночество* мы связываем с уровнем отчужденности. В этом направлении достигнуто снижение показателя с высокого уровня до среднего. Таким образом, до проведения программы у респондентов существовали заметные проблемы с доверием, они демонстрировали эмоциональную холодность в отношении к другим людям и, вероятно, переживали одиночество, даже находясь среди людей. Следует отметить позитивные тенденции к сокращению психологической дистанции с другими людьми, готовность выстраивать новые отношения с большим пониманием и снисходительностью к другим.

Шкала агрессивности отражает готовность к проявлению резкости и грубости в отношениях. По шкале агрессивности наблюдается наиболее заметное снижение баллов от высоких значений к низким, что позволяет предположить значимое улучшение психоэмоционального фона у респондентов после прохождения программы, что служит снижению *демонстрации превосходства* и *одиночества* как элементов структуры склонности к экстремизму.

Снижение итогового балла самооценки межличностных отношений от высоких значений к средним указывает на то, что произошел переход от состояния одиночества, неприязни и несогласия к готовности поддерживать достаточно гармоничные, стабильные отношения, вызывающие положительные переживания. Таким образом, уменьшается вероятность сохранения *одиночества* и формирования *мотивов мести*.

Повторное применение скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму показало, что у респондентов до прохождения Программы экстремистские тенденции были выражены, после прохождения программы данный показатель вернулся

к норме (отсутствует склонность к экстремизму). Полученные результаты соответствует данным рассмотренных выше методик и позволяют предполагать, что прохождение программы психокоррекции способствует снижению агрессивно-оборонительной позиции, ослаблению психоэмоционального напряжения, формирует более положительное отношение к себе и своей жизни, а также другим людям.

Выводы

1. В результате проведения разработанной на основе когнитивно-поведенческого подхода психокоррекционной программы у ее участников происходят изменения психической направленности, выражающиеся в склонности личности к экстремизму. Эти изменения могут регистрироваться стандартизованными психометрическими методами.

2. В ходе прохождения психокоррекционной программы у студентов имеют место существенные позитивные изменения в эмоциональной и межличностных сферах, которые выражаются в снижении депрессивности, ситуативной и личностной тревожности, а также напряженности, конфликтности, отчужденности, агрессивности в межличностных отношениях.

3. Эмпирическое исследование эффективности краткосрочной программы психологической коррекции показало значимые результаты по шкалам, соответствующим критериям склонности к экстремизму. Программа психокоррекции склонности к экстремизму может быть рекомендована к применению для психологической помощи студентам вузов.

4. В дальнейшем необходима оценка отсроченных результатов психокоррекционной программы в плане улучшения социальной адаптации, а также анализ влияния факторов пола, возраста, длительности увлечения экстремистской идеологией.

Примечания

¹ Об утверждении противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/ (дата обращения: 19.03.2023).

Список литературы

Божович Л.И. Проблемы формирования личности. Москва: Изд-во «Институт практической психологии», 1997. 352 с.

Грицина О.П., Транковская Л.В., Семанив Е.В. [и др.] Факторы, формирующие здоровье современных детей и подростков // Тихоокеанский медицинский журнал. 2020. № 3. С. 19–24. <https://doi.org/10.34215/1609-1175-2020-3-19-24>

Кадыров Р.В., Эльзесер А.С., Капустина Т.В. Краткосрочная программа психологической коррек-

ции студентов, имеющих склонность к экстремизму. Ульяновск: Зебра, 2022. 52 с.

Капустина Т.В. Разработка и апробация скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму // Психолог. 2022. № 1. С. 29–52. DOI: 10.25136/2409-8701.2022.1.37293

Мамайчук И.И. Психокоррекционные технологии для детей с проблемами в развитии. Москва: Юрайт, 2020. 318 с.

Меццержакова Э.И., Ларионова А.В. Детерминация молодежного экстремизма как деструктивного способа самореализации // Молодежный экстремизм: интегрированный подход с позиции гуманитарных наук. Томск: Изд-во ТГУ, 2019. 164 с.

Рягузова Е.В. Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия «Я – Другой»: детерминанты и предпосылки (на примере экстремистских групп) // Известия Саратовского университета. 2021. № 3. С. 220–228. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-220-228>

Эльзесер А.С., Капустина Т.В., Кадыров Р.В. [и др.] Профилактика колумбайна: в поиске группы риска // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. № 9. С. 85–90. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2022.09.21>

Эльзесер А.С., Кадыров Р.В., Маркелова Е.В. Эффективность краткосрочной психотерапии депрессивных и тревожных расстройств // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 122–130.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. Москва: Педагогика, 1989. 560 с.

Bhui K., Otis M., Silva M.J. [et al.] Extremism and common mental illness: cross-sectional community survey of White British and Pakistani men and women living in England. *The British Journal of Psychiatry*, 2020, No. 4. С. 547–554. <https://doi.org/10.1192/bjp.2019.14>

Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review. *Adolescent Research Review*, 2020, No. 5, pp. 1–26. <https://doi.org/10.1007/s40894-019-00108-y>

Keene J.R., Shoenberger H., Berke C.K. [et al.] The biological roots of political extremism. *Politics and the Life Sciences*, 2017, No. 2, pp. 37–48. <https://doi.org/10.1017/pls.2017.16>

Kunst J.R., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation. *Current Opinion in Psychology*, 2020, No. 35, pp. 55–59.

Nivette A., Eisner M., Ribeaud D. Developmental Predictors of Violent Extremist Attitudes: A Test of General Strain Theory. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2017, vol. 54, No. 6, pp. 755–790.

Pisou D., Zick A., Srowig F. [et al.] Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror - the German Contribution in a Context.

International Journal of Conflict and Violence, 2020, No. 2, pp. 1-12. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3803>

Trip S., Bora C.H., Marian M. [et al.] Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization. *Frontiers in Psychology*, 2019, vol. 10, pp. 437. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00437>

References

Bozhovich L.I. *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation]. Moscow, Institut prakticheskoi psikhologii Publ., 1997, 352 p. (In Russ.)

Elzesser A.S., Kapustina T.V., Kadyrov R.V. [et al.] *Profilaktika kolumbaina: v poiske gruppy riska* [Columbine prevention: in search for a risk group]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: Poznanie* [Modern science: current problems of theory and practice], 2022, vol. 9, pp. 85-90. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2022.09.21> (In Russ.)

Elzesser A.S., Kadyrov R.V., Markelova E.V. *Effektivnost' kratkosrochnoi psikhoterapii depressivnykh i trevozhnykh rasstroistv* [Effectiveness of short-term psychotherapy of depressive and anxiety disorders]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2018, vol. 2, pp. 122-130. (In Russ.)

El'konin D.B. *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow, Pedagogika Publ., 1989, 560 p. (In Russ.)

Gritsina O.P., Trankovskaya L.V., Semaniv E.V. [et al.] *Faktory, formiruyushchie zdorov'e sovremennykh detei i podrostkov* [Factors forming the health of modern children and adolescents]. *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal* [Pacific Medical Journal], 2020, vol. 3, pp. 19-24. <https://doi.org/10.34215/1609-1175-2020-3-19-24> (In Russ.)

Kadyrov R.V., Elzesser A.S., Kapustina T.V. *Kratkosrochnaya programma psikhologicheskoi korrektsii studentov, imeyushchikh sklonnost' k ekstremizmu* [Short-term program of psychological correction for students with a tendency towards extremism]. Ul'yanovsk, Zebra Publ., 2022, 52 p. (In Russ.)

Kapustina T.V. *Razrabotka i aprobatsiya skring-metoda dlya diagnostiki sklonnosti k ekstremizmu* [Development and testing of a screening method for diagnosing propensity for extremism]. *Psikholog* [Psychologist], 2022, vol. 1, pp. 29-52. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2022.1.37293> (In Russ.)

Mamaichuk I.I. *Psikhokorreksionnye tekhnologii dlya detei s problemami v razvitii* [Psychocorrectional technologies for children with developmental problems]. Moscow, Yurait Publ., 2020, 318 p. (In Russ.)

Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. *Determinatsiya molodezhnogo ekstremizma kak destruktivnogo*

sposoba samorealizatsii [Determination of youth extremism as a destructive way of self-realization]. *Molodezhnyi ekstremizm: integrirrovanniy podkhod s pozitsii gumanitarnykh nauk* [Youth extremism: an integrated approach from the perspective of the humanities]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU Publ., 2019, 164 p. (In Russ.)

Ryaguzova E.V. *Razryv svyazei v reprezentatsiyakh vzaimodeistviya "Ya - Drugoi": determinanty i predposylki (na primere ekstremistskikh grupp)* [Breaking connections in the representations of "I - Stranger" interaction: Determinants and prerequisites (the case study of extremist groups)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Izvestiya of Saratov University], 2021, vol. 3, pp. 220-228. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-220-228> (In Russ.)

Bhui K., Otis M., Silva M.J. [et al.] Extremism and common mental illness: cross-sectional community survey of White British and Pakistani men and women living in England. *The British Journal of Psychiatry*, 2020, No. 4. C. 547-554. <https://doi.org/10.1192/bjp.2019.14>

Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review. *Adolescent Research Review*, 2020, No. 5, pp. 1-26. <https://doi.org/10.1007/s40894-019-00108-y>

Keene J.R., Shoenberger H., Berke C.K. [et al.] The biological roots of political extremism. *Politics and the Life Sciences*, 2017, No. 2, pp. 37-48. <https://doi.org/10.1017/pls.2017.16>

Kunst J.R., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation. *Current Opinion in Psychology*, 2020, No. 35, pp. 55-59.

Nivette A., Eisner M., Ribeaud D. Developmental Predictors of Violent Extremist Attitudes: A Test of General Strain Theory. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2017, vol. 54, No. 6, pp. 755-790.

Pisou D., Zick A., Srowig F. [et al.] Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror - the German Contribution in a Context. *International Journal of Conflict and Violence*, 2020, No. 2, pp. 1-12. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3803>

Trip S., Bora C.H., Marian M. [et al.] Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization. *Frontiers in Psychology*, 2019, vol. 10, pp. 437. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00437>

Статья поступила в редакцию 21.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 21.11.2023.

The article was submitted 21.10.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 21.11.2023.